

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ПРИ СТРАХАХ У ДЕТЕЙ 9–10 ЛЕТ

Теоретически обосновывается и эмпирически доказывается, что детям 9–10 лет может быть свойственен набор личностных детерминант, складывающихся в определенной системе их отношений. Проявляемые близкими отдельные копинг-стратегии, проявляемые ими на активное выражение ребенком страха, способствуют закреплению в личностной структуре ребенка паттернов совладания в виде экспрессии интенсивного страха, аддитивных (взаимодополнительных) к дефицитарной системе межличностных отношений в семье и копинг-стратегиям близких взрослых. Выделенный личностный комплекс рассматривается авторами в качестве предиктора дезадаптивного характера проявления эмоции страха как копинг-стратегии.

Ключевые слова: ребенок, страх, личностные детерминанты, копинг-стратегии страха, адаптация / дезадаптация, личностные особенности.

Чаще всего под личностными детерминантами совладающего поведения со страхами у детей авторы понимают взаимосвязанную систему интерпретационных схем – личностных конструктов [Изард, 2001; Ильин, 2002]. Подобное понимание личностных детерминант не позволяет рассматривать страхи детей в соответствии с разработанной в отечественной психологии концепцией личности как многоуровневой системы отношений с различными сторонами реальности [Асмолов, 1990; Мясичев, 2001; Ильин, 2002; Рубинштейн, 1989], в которой выделяются интериндивидуальные (внешне обусловленные, связанные с социальным контекстом), интраиндивидуальные (внутренне обусловленные, присущие самой личности) [Ананьев, 2001; Петровский, 1982] и метаиндивидные (связанные с воздействием личности на других людей) [Петровский, 1982] компоненты структуры личности. В психологическом плане личность младшего подростка изучена, скорее, не в широком контексте жизнедеятельности ребенка, а для описания психолого-педагогических проблем, возникающих в его учебной (ведущей) деятельности (см.: [Богданова, 2000; Божович, 1995; Петченко, 2002; Славина, 1967] и др.).

Страхи детей 9–10 лет, часто трактуемые как признак регрессии на ранние стадии развития личности, можно интерпретировать в рамках концепции совладающего поведения Р. Лазаруса – основы современных представлений о формах активного / пассивного копинга во фрустрирующих ситуациях и др. [Данилова, 1990; Крюкова, 2004; Куфтяк, 2003; Лазарус, 2003; Тащёва, Гриднева, 2006]. Выражение страха – сильной негативной эмоции, описывается как пассивный (неконструктивный, дезадаптивный) способ совладающего поведения. Но проявления страха в качестве способа совладания личности в «некритическом» возрастном периоде развития (младший подростковый возраст) редко анализируется детально.

Целью данной работы стало исследование специфики взаимосвязи между личностными характеристиками и демонстрацией детьми эмоции страха в качестве копинг-стратегии [Гриднева, 2007]. Объект исследования – личностные особенности ребенка 9–10 лет. Методы исследования: метод теоретического анализа источников по проблеме, метод изучения документов, наблюдение, опрос, психодиагностический метод, метод экспертных оценок, контент-анализ представлений детей о страхах и копинг-

стратегиях, метод сравнения групп и метод статистической обработки психодиагностических данных и верификации гипотез.

Методический инструментарий – семь методик, раскрывающих три психологические реалии: 1) личностные характеристики детей, особенности их восприятия себя (опросник Р. Кеттелла (12 SPQ), опросник «Атрибутивное сопровождение общения» А. И. Ташёвой, рисуночный тест «Несуществующее животное»); 2) содержание и «возрастная динамика» страхов (опросник Филлипса на выявление школьной тревожности (ШТФ); рисуночный тест «Мои страхи» и авторский опросник, направленный на изучение страхов детей 9–10 лет); 3) совладающее поведение (опросник копинг-стратегий детей школьного возраста И. М. Никольской и Р. М. Грановской в модификации Е. В. Куфтяк; детский вариант фрустрационного теста С. Розенцвейга; авторский опросник, изучающий реагирование на страх самих детей, их родных и друзей). Использовались стандартные методики математической статистики: критерий углового преобразования Фишера; *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок; *U*-критерий Манна-Уитни; коэффициенты ранговой корреляции Пирсона, Спирмена и Кендалла (*tau-b*).

Выборка была простой, неповторной и составила 140 детей 9–10 лет (70 мальчиков и 70 девочек). Выборка делилась на две группы: основную и контрольную (в каждой было по 35 мальчиков и 35 девочек). Критерии деления групп: 1) факт обращения педагогов и родителей за профессиональной психологической помощью ребенку, имеющему выраженные страхи; 2) психодиагностически подтвержденный дезадаптивный характер страхов ребенка, имевшего поведенческие нарушения социального взаимодействия; психологическое своеобразие страхов и соответствующие экспертные оценки (7 педагогов и 7 психологов, знавшие детей по роду своей профессиональной деятельности) личности и поведения детей.

Известно, что ключевым новообразованием личности младшего подростка выступает социальное «Я», впервые дифференцированное на актуальный и идеальный компоненты [Абрамова, 2001; Богданова, 2000; Божович, 1995; Фельдштейн, 2004]. Последний позволяет развиваться внутренним механизмам саморегуляции поведения

во фрустрирующих ситуациях. Но недостаточный социальный опыт ребенка делает этот механизм слабым и уязвимым, создавая условия для его обращения к внешнему, социально-психологическому ресурсу совладания – системе отношения с близкими взрослыми и друзьями (см.: [Астапов, 2004; Богданова, 2000; Выготский, 1997; Гриднева, 2007; Исаев, 1996] и др.). Возникает устойчивая ориентация на другого человека как поддерживающего партнера. Ведущей потребностью ребенка становятся социальное сравнение и оценка, подтверждение своего «Я» другими людьми, признание «Я». Поведение впервые начинает выполнять функцию не только презентации себя другим, но и социальной мимики (представление себя другим в соответствии с их ожиданиями) [Крэйн, 2002]. Способность к рефлексии связана с потребностью в целенаправленном воздействии на партнеров по общению с целью формирования желаемого образа «Я». В 9–10 лет дифференцируются актуальный и возможный (фантомный, придуманный) миры личности, механизмом разделения которых оказываются сильные эмоции, в том числе страх [Кон, 1987]. Определение границ нового собственного «Я» и проверка их устойчивости реализуется через эмоциональную экспрессию, которая часто связана не с актуальными, а с воображаемыми, фантомными проблемными ситуациями, на которые проецируется представление ребенка о себе, включающее внешние и внутренние ресурсы совладания с проблемами.

Неразвитость личности ребенка и гетерохрония в формировании достаточного внутреннего ресурса для совладания ведут к опредмечиванию в страхах детей фантомных угроз, связанных с их сомнениями в своих способностях к эффективному разрешению проблемных ситуаций. Психологическая трактовка страха в качестве защитного механизма слабого «Я» требует преодоления [Леонтьев, 2002]. Есть теоретические основания считать страх в 9–10 лет разновидностью пассивной копинг-стратегии – деструктивной эмоциональной экспрессии страха, направленной на привлечение внимания окружающих и интенсификацию их взаимодействия с ребенком с целью восполнения дефицита во внешнем, социально-психологическом ресурсе преодоления фрустрирующих ситуаций [Лазарус, 2003].

Рассмотрим наши данные о связи личностных факторов детей 9–10 лет с выбираемыми ими копинг-стратегиями (см. табл. ниже).

По выборке в целом копинг-стратегия рефлексивного ухода имеет значимые положительные связи только с фактором *Q* (тревожность и чувство вины) – к стратегии рефлексивного ухода чаще прибегают дети с выраженной тревожностью и чувством вины. Стратегия поиска духовной опоры и поддержки имеет отрицательные значимые связи с интеллектом (*B*) и уровнем эмоционального возбуждения (*D*) – данные стратегии чаще используют дети эмоционально сдержанные, флегматичные, медлительные, со сниженными интеллектуальными способностями. Стратегия деструктивной эмоциональной экспрессии оказалась очень тесно связанной (на уровне $p = 0,01$) с низкими значениями фактора интеллекта (*B*) и высокими значениями «астенического» фактора (*J*), отвечающего за повышенную усталость, замкнутость, ригидность; оба фактора в рамках стратегии деструктивной эмоциональной экспрессии взаимодействуют с повышенными показателями по фактору тревожности и чувства вины (*Q*). На первый взгляд низкие оценки респондентов выборки по фактору интеллекта могли бы

быть объяснены влиянием на процессы мышления эмоциональной дезорганизованности детей основной группы. Последующий анализ по группам подтвердил данный тезис: отрицательная связь между фактором интеллекта и копинг-стратегией деструктивной эмоциональной экспрессии обнаружилась только у детей с дезадаптивными страхами (преимущественно – у мальчиков). Стратегия активно-деятельностного отвлечения в выборке в целом оказалась положительно связанной с эмоциональной устойчивостью (фактор *C*) и отрицательно – с эмоциональной возбудимостью (фактор *D*). Таким образом, выявлено, что к стратегии активно-деятельностного отвлечения в большей мере склонны дети, хорошо управляющие своими эмоциями, свободные от невротических симптомов, уравновешенные даже в неблагоприятных ситуациях. Стратегия поиска социальной поддержки (общения) у респондентов оказалась положительно связанной только с высокими значениями «астенического» фактора (*J*). В отношении стратегии пассивного отвлечения, разрядки значимых связей с личностными факторами у детей выборки обнаружено не было, что позволяет утверждать, что выбор этой стратегии детьми 9–10 лет в целом имеет ситуативную природу.

Связи копинг-стратегий с личностными факторами по тесту Р. Кеттелла

Стратегии совладающего поведения (по Е. В. Куфтяк)	Выборка в целом		Группы респондентов			
	личный фактор	<i>r</i>	основная		контрольная	
			личный фактор	<i>r</i>	личный фактор	<i>r</i>
Рефлексивный уход	<i>Q</i> ⁺	0,139*	<i>G</i> ⁺	0,230*	–	–
Пассивное отвлечение, разрядка	–	–	–	–	–	–
Поиск духовной опоры, поддержки	<i>B</i> [–] <i>D</i> [–]	–0,167* –0,138*	<i>B</i> [–]	–0,219*	<i>C</i> ⁺ <i>D</i> [–] <i>Q</i> ₃ ⁺	0,260** –0,206* 0,214*
Деструктивная эмоциональная экспрессия	<i>B</i> [–] <i>J</i> ⁺ <i>Q</i> ⁺	–0,183** 0,178** 0,127*	<i>B</i> [–] <i>G</i> ⁺	–0,205* 0,263**	<i>J</i> ⁺	0,192*
Активно-деятельностное отвлечение	<i>C</i> ⁺ <i>D</i> [–]	0,123* –0,132*	–	–	–	–
Социальные контакты с целью получения поддержки (общение)	<i>J</i> ⁺	0,193*	<i>F</i> [–]	–0,199*	–	–

Примечание: *r* – коэффициент конкордации Кендалла; знак «звездочка» указывает на значительные показатели связей между анализируемыми значениями (чем больше связь, тем большее количество подобных знаков возле цифры); цифрой внизу буквы обозначены известные факторы по Кеттелу.

В группе детей с дезадаптивными страхами связь копинг-стратегий с личностными факторами имеет иной характер (см. табл.). Доминирующая у этих респондентов копинг-стратегия деструктивной эмоциональной экспрессии оказалась тесно ($p = 0,01$) положительно связанной ($r = 0,263^{**}$) с фактором G (социальный контроль) и умеренно отрицательно связанной ($r = -0,205^*$) с фактором B (интеллект). Подобные связи свидетельствуют о том, что во фрустрирующих ситуациях выбор деструктивной эмоциональной экспрессии ребенком основывается на его твердой убежденности в эффективности ее воздействия на окружающих. В этой стратегии проявляются настойчивость, упрямство, педантизм и высокий уровень самоорганизации детей основной группы при достижении ими поставленных целей. Под влиянием эмоции страха при дефицитарном характере внешнего личностного ресурса этих респондентов, их неуверенности в получении необходимой помощи со стороны окружающих упорство, настойчивость и высокий уровень самоорганизации этих ребят выступают основой развития их эмоциональной дезорганизованности. Их интеллектуальный дефицит, проявляемый в низких показателях фактора B и сниженной успеваемости, фактически выступает следствием выраженной озабоченности этих детей, сопровождающейся постоянным страхом.

У детей основной группы стратегия деструктивной эмоциональной экспрессии и поиск социальных контактов тесно связаны с низкими показателями по фактору F – свободное, искреннее проявление спонтанных эмоций ($r = -0,194^*$). Такая связь подтверждает нашу мысль о том, что эмоция страха (как деструктивная пассивная реакция на фрустрирующие ситуации) связана с ощущением ребенком социального дефицита в процессе реализации своих целей и удовлетворения потребностей. Низкие показатели фактора F связаны с высоким уровнем озабоченности, поведенческой ригидностью, повышенной осторожностью и пессимистичной оценкой реальности. Р. Кеттелл полагал, что низкие значения этого фактора тесно связаны с социальной ситуацией развития ребенка, чрезмерностью воспитательных воздействий, которые компенсируют недостаточную личностную вовлеченность родителей в процесс межличностного общения с

ребенком. Личность ребенка с низким показателем по этому фактору склонна к интернализации (сокрытию) внутренних конфликтов, к внутреннему дискомфорту. В этих обстоятельствах поиск ребенком социальных контактов призван компенсировать его неуверенность, вызванную недостаточностью социально-психологического ресурса для совладания с проблемами.

Вторая наиболее предпочитаемая детьми основной группы копинг-стратегия, выражающаяся в поиске духовной опоры, имеет тесную связь с низкими показателями по фактору интеллекта B ($r = -0,219^*$). Испытывая страх за собственную несостоятельность в достижении поставленных целей и удовлетворении потребностей, ребенок не может сосредоточиться на процессе адекватной оценки социальной ситуации, своих реальных сил и возможностей, что провоцирует его на поиск могущественных и чудодейственных источников поддержки (маги, волшебники, Бог и т. д.), призванных компенсировать недостаточность системы реальных межличностных отношений.

Стратегия рефлексивного ухода у детей с дезадаптивными страхами оказалась положительно связанной ($r = 0,230^*$) с сильным социальным контролем, развитым чувством ответственности, добросовестностью, т. е. с их серьезным отношением к возникшей проблеме и настойчивым стремлением обдумать ситуацию, чтобы разрешить ее (фактор G).

У детей основной группы не было обнаружено значимых связей между стратегией пассивного отвлечения (разрядки) и активно-деятельностного отвлечения, что позволяет констатировать: выбор этой стратегии для данной группы детей ситуативен.

Анализ половых различий личностных детерминант копинг-стратегий в основной группе показал, что описанные детерминанты характерны преимущественно для мальчиков. Для девочек и мальчиков основной группы характерна значимая связь между вспомогательной стратегией поиска духовной опоры и низкими показателями интеллекта ($r = -0,437^*$). Но в этом случае мы не получили математически подтвержденных данных о том, что такая связь у девочек строится на основе их эмоциональной дезорганизации, как это имеет место у мальчиков. Скорее всего, предпочтения указанной стратегии у девочек чаще строятся на их

отказе от рационального анализа иных возможностей для совладания с ситуацией, а также с их большей уверенностью в собственной слабости, с неверием в то, что окружающие люди готовы реально помочь им в сложной ситуации. Выбор доминирующей копинг-стратегии деструктивной эмоциональной экспрессии у девочек основной группы в большей мере определяется ситуацией, а не их личностными характеристиками. С личностными характеристиками у них связаны не преобладающие в поведении стратегии совладания: пассивное (разрядка) и активно-деятельностное отвлечение. Стратегия пассивного отвлечения имеет отрицательные связи с факторами A и F : высокими показателями замкнутости / интроверсии ($r = -0,336^*$) и озабоченности ($r = -0,258^*$). Пассивное отвлечение коррелирует у девочек основной группы с одиночеством, с тенденцией к установлению формальных контактов, с отсутствием интереса к другим людям, неуспешностью в установлении социальных связей, с вялостью, склонностью к внутренним, скрытым переживаниям. С низкими значениями фактора F у этих девочек тесно связана и стратегия активно-деятельностного отвлечения ($r = -0,282^*$).

У респондентов *контрольной группы* копинг-стратегия деструктивной эмоциональной экспрессии тесно связана ($r = 0,192^*$) только с высокими значениями фактора J , что проявляется в выраженном индивидуализме, усталости от общения, замкнутости, обидчивости. Другой копинг-стратегией, имеющей значимую связь с набором личностных черт, выступает поиск духовной опоры. Эта стратегия коррелирует с факторами C^+ (высокие значения – эмоциональная устойчивость, $r = 0,260^*$), D^- (низкие значения – эмоциональная уравновешенность, сдержанность, $r = -0,206^*$) и Q_3^+ (высокие значения – социальность, $r = 0,214^*$). На основании обнаруженной связи можно утверждать, что поиск духовной опоры для детей контрольной группы связан не с состоянием их отчаянного поиска спасения (как в основной группе), а с ощущением эмоциональной стабильности, трезвым взглядом на происходящее, уравновешенностью и сдержанностью, чувством «защищенного тыла», сохранением самоуважения и самоконтроля, со стремлением к самоорганизации. Обращение к стратегии поиска духовной опоры детей контрольной группы основывается,

скорее, не на вере в чудеса (как у детей основной группы), а на возможности остановиться, сконцентрироваться и поразмыслить над происходящим, чтобы направить свою энергию на эффективное разрешение фрустрирующей ситуации.

Анализ *половых различий личностных детерминант копинг-стратегий в контрольной группе* выявил следующее. У мальчиков контрольной группы копинг-стратегия деструктивной эмоциональной экспрессии положительно связана с двумя личностными характеристиками: факторами C ($r = 0,375^{**}$) и F ($r = 0,332^*$). Следовательно, у этих мальчиков экспрессия деструктивных эмоций связана не с их настойчивым стремлением к установлению контроля над поведением окружающих (как у мальчиков из основной группы), а со свободным искренним проявлением спонтанных эмоций (F^+) на фоне эмоциональной устойчивости (C^+). Такая экспрессия во фрустрирующих ситуациях свободна от невротических симптомов, дети могут держать себя в руках, импульсивно реагируя на ситуацию, не закливаясь на ней. Стратегия поиска духовной опоры также связана ($r = 0,363^{**}$) у этих мальчиков с фактором C^+ , что отличает их от мальчиков основной группы, у которых данная стратегия связана с фактором B^- . Копинг-стратегия активно-деятельностного отвлечения у мальчиков контрольной группы тесно связана с фактором F^+ ($r = 0,297^*$). Данная связь свидетельствует о том, что эта стратегия реализует спокойное, небрежное отношение мальчиков к трудностям проблемной ситуации, основанное на их доверии к себе и к другим. Выбор стратегии поиска социальных контактов (общения) у мальчиков контрольной группы тесно связан ($r = 0,269^*$) с фактором Q_3^+ , характеризующим их высокую социальность, произвольность и осознанность поведения во фрустрирующей ситуации, склонность принимать обдуманное решение: сначала разобраться в происходящем, а лишь затем приступать к действиям. Стратегии рефлексивного ухода и пассивного отвлечения (разрядки) не имеют значимых связей с личностными чертами мальчиков контрольной группы – они используются этими детьми ситуативно.

У девочек контрольной группы не обнаружилось значимых связей между их личностными чертами, с одной стороны, и страте-

гиями деструктивной эмоциональной экспрессии и рефлексивного ухода – с другой. Это означает, что деструктивная эмоциональная экспрессия для всех девочек нашей выборки выступает ситуативной копинг-стратегией. Стратегия пассивного отвлечения (разрядки) у девочек контрольной группы очень тесно ($p = 0,01$) коррелирует с низкими показателями по факторам B^- ($r = -0,378^{**}$), D^- ($r = -0,259^{**}$), J^- ($r = -0,348^{**}$). Это означает, что у девочек, чьи страхи не имеют дезадаптивного характера, реакция пассивного отвлечения от фрустрирующих ситуаций может быть вызвана их сниженными интеллектуальными способностями, флегматичностью, невозмутимостью, экспрессивностью и активным, деятельным отношением к жизни. Стратегия поиска духовной опоры у этих девочек соединена с такими чертами, как D^- ($r = -0,411^*$), E^- ($r = -0,303^*$), Q_3^+ ($r = 0,299^{**}$). Следовательно, данная стратегия коррелирует с флегматичностью, уступчивостью, терпеливостью, основательностью в принятии решений и высокой социальностью, умением контролировать свои желания. Стратегия активно-деятельного отвлечения также связана у этих девочек с фактором Q_3^+ – флегматичностью, невозмутимостью ($r = -0,271^*$), а стратегия поиска социальных контактов коррелирует с низкими показателями по факторам интеллекта B ($r = -0,296^*$) и энергичности Q_4^- ($r = -0,274^*$). Это означает, что поиск общения может быть детерминирован у этих респонденток когнитивной простотой оценки ими фрустрирующей ситуации, что побуждает их к совместному поиску подходящего решения и к спокойному, расслабленному отношению к проблеме, поскольку у них не фрустрированы базовые социальные потребности.

Корреляционный анализ *совпадений между личностными чертами и характером поведенческих реакций во фрустрирующих ситуациях* у детей выборки показал следующее. Чем более у детей основной группы выражен интеллект, тем больше у них сомнений в возможности разрешения сложной ситуации ($r = 0,208^*$), они чаще провоцируют окружающих на конфликты ($r = 0,214^*$), привлекая внимание других людей своими негативными высказываниями (дразнят) ($r = 0,225^*$), возрастает число косвенных реакций обвинения ($r = 0,184^*$), особенно неосознаваемых вербальных реакций

агрессивного типа ($r = 0,273^{**}$) – используют междометия «ну», «но» и пр. У детей основной группы с высоким интеллектом увеличивается количество внутренних вербальных реакций – они выражают свои эмоции и мысли во внутренней речи, не высказывая ничего окружающим ($r = 0,273^{**}$), и увеличивается общее число реакций самозащитного типа (ED) ($r = 0,346^{**}$).

С выраженной эмоциональной устойчивостью детей основной группы связаны их опережающие реакции экстрапунитивного препятственно-доминантного типа: проблемы еще нет, но они уже начинают плакать – «на всякий случай», хотя их переживания еще не настолько сильны ($r = 0,289^*$), и отрицают любую свою ответственность за происходящее ($r = 0,231^*$). С эмоциональной устойчивостью у них также связаны реакции упорствующего типа импунитивной направленности, предполагающие, что все само собой со временем разрешится ($r = 0,226^*$). С эмоциональной возбудимостью связан отказ детей основной группы от контактов во фрустрирующих ситуациях ($r = 0,203^*$) и их реакции, вызванные с надеждой на естественное разрешение проблемы ($r = 0,215^*$), – зачем кого-то просить или предпринимать что-то самому. С усилением доминантности (напористости) снижаются реакции опасения в неразрешимости проблемы ($r = -0,224^*$), но при этом усиливаются ($r = 0,238^*$) внешние проявления страха, сопровождаемые плачем (что еще раз подтверждает стимульную функцию экспрессии этой эмоции у респондентов основной группы).

У детей основной группы с повышением выраженности беспечности и оптимизма увеличивается сумма смешанных экстрапунитивных реакций препятственно-доминантного типа, подчеркивающих наличие препятствия ($r = 0,249^*$). Чем больше у детей основной группы выражена черта G (сильный социальный контроль), тем больше выражены и реакции импунитивно-упорствующего типа (M-NP) ($r = 0,204^*$): они адресуют агрессию во вне и рассчитывают на то, что «все и без них устроится», – ведь не они придумали правила, по которым вынуждены жить.

У детей основной группы с раскованностью (социальной смелостью) связаны реакции генерализации трудностей («Вечно так бывает!») либо «Все не слава Богу!»)

($r = 0,220^*$) и уменьшение суммы реакций внешнеобвинительного препятственно-доминантного типа ($r = -0,212^*$), уменьшение количества реакций агрессивного типа в виде избыточно настойчивых просьб-приказов ($r = -0,277^*$), обвинений ($r = -0,284^*$), дразнилок ($r = -0,293^*$). Чем более выражена характеристика социальной смелости, тем меньше в основной группе детей общая сумма реакций на фрустрирующие ситуации в виде угроз ($r = -0,210^*$); здесь снижается количество косвенных обвинительных реакций в виде намеков ($r = -0,338^{**}$), но растет количество реакций замалчивания проблемы ($r = 0,196^*$) и число реакций в виде внутреннего проговаривания всех возможных явных ($r = 0,188^*$) и косвенных ($r = 0,209^*$) обвинений. Хотя при развитии социальной смелости у детей основной группы общая сумма агрессивных реакций самозащитного типа всех видов направленности значимо снижается ($r = -0,283^{**}$).

С уменьшением астенических характеристик личности (фактор J), увеличивается число косвенных вербальных препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = -0,229^0$), угроз физической расправы с обидчиком ($r = -0,271^*$) и уменьшается число высказываемых детьми упреков ($r = 0,271^*$) и обманов ($r = 0,243^*$), снижается стремление к обвинению других ($r = -0,199^*$).

С усилением чувства вины и тревоги у детей основной группы снижается число опережающих («Еще не провинился, но уже виноват!») препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = -0,283^{**}$) и увеличивается совокупное число «мазохистических» реакций, когда фрустрирующая ситуация интерпретируется ребенком в качестве заслуженного наказания, направленного на исправление его «плохого» поведения ($r = 0,206^*$). Растет и количество высказываемых им упреков другим ($r = 0,186^*$), а также возрастает желание наябедничать, чтобы снять с себя ответственность за проблему ($r = 0,214^*$).

С усилением характеристики, отвечающей за развитие самоконтроля над поведением (Q_3), возрастает число опережающих экстрапунитивных реакций препятственно-доминантного типа, проявляющихся в предвосхищении детьми неприятных последствий событий ($r = 0,209^*$), нарастает число сердитых претензий ($r = 0,246^*$,

угрызений совести ($r = 0,198^*$) и общая сумма интрапунитивных самозащитных реакций ($r = 0,237^{**}$). Однако при этом возрастает и число реакций, направленных на самостоятельный поиск выхода из фрустрирующей ситуации (I-NP) ($r = 0,292^*$).

Анализ половых особенностей связи между личностными чертами детей основной группы и содержанием их поведенческих реакций во фрустрирующих ситуациях показал следующее. Для мальчиков наиболее критическими личностными детерминантами, с которыми связано большинство реакций, выступила ограниченная группа факторов. На первом месте оказался интеллект, с которым положительно связано «зацикливание (фиксация) ребенка» на реакциях сомнений при столкновении с фрустрирующими факторами ($r = 0,208^*$), усиление реакций-дразнилок ($r = 0,214^*$), косвенных неосознаваемых обвинительных (агрессивных) реакций ($r = 0,225^*$), замыкание в себе – нарастание реакций обвинительного типа внешней и внутренней направленности, которые реализуются преимущественно во внутренней речи ($r = 0,184^*$). Второе место занял фактор социальной смелости, раскованности (H), с которым связано снижение внутренних (не выражаемых для других) реакций-обобщений попадания во фрустрирующие ситуации («вот всегда со мной это происходит») ($r = -0,220^*$), снижение общей суммы экстрапунитивных реакций препятственно-доминантного типа ($r = -0,212^*$), уменьшение числа просьб-приказов ($r = 0,227^*$), агрессивных обвинений ($r = -0,284^*$) и дразнилок ($r = 0,293^*$), угроз ($r = -0,210^*$), повышается прозрачность высказываний за счет снижения числа намеков ($r = -0,338^*$) и снижения реакций в виде внутренней, не выражаемой вовне, обвинительной речи ($r = -0,289^*$).

Для девочек наиболее критическими личностными детерминантами, с которыми связано большинство их копинговых реакций, оказались интеллект и эмоциональная возбудимость. С высоким интеллектом, у девочек основной группы связано увеличение числа импунитивных препятственно-доминантных реакций, когда минусы фрустрирующих ситуаций редуцируются до малозначимых ($r = 0,292^*$), хотя при этом также значимо увеличивается число открытых оскорблений ($r = 0,490^{**}$) и угроз физической расправы ($r = 0,295^*$), обманы

($r = 0,289^*$), а также в целом растет число косвенных самозащитных реакций внешней направленности ($r = 0,266^*$), сочетанных реакций «угрызений совести» ($r = 0,254^*$) и аутоагрессии ($r = 0,258^*$). В целом у девочек с повышением интеллекта повышается совокупное число реакций самозащитного типа ($r = 0,297^*$). С понижением уровня эмоциональной возбудимости (D) у девочек основной группы растет количество внутренних, не выражаемых вовне, препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной ($r = -0,365^*$) и импунитивной ($r = -0,305^*$) направленности, увеличивается число сочетанных импунитивных реакций самозащитного типа ($r = -0,311^*$), которые происходят во внутреннем плане, без выражения во внешних формах. Однако при этом также возрастает их стремление к самостоятельному разрешению фрустрирующих ситуаций (I-NP) ($r = -0,292^*$).

У респондентов *контрольной группы* в целом наиболее критическими личностными детерминантами, связанными с содержанием копинговых реакций, оказались факторы интеллекта (B), эмоциональной устойчивости (C) и самоконтроля над поведением (Q_3). С развитием интеллекта у детей контрольной группы значимо увеличивается число импунитивных препятственно-доминантных реакций, когда минусы фрустрирующей ситуации не замечаются или сводятся до минимума ($r = 0,227^*$). Также растет число оскорблений ($r = 0,202^*$) и угроз ($r = 0,205^*$), особенно угроз физической расправы ($r = 0,280^*$), усиливается ироничность ($r = 0,242^*$) и растет число невыражаемых вовне внешнеобвинительных самозащитных реакций, протекающих только во внутреннем плане (внутренняя речь) ($r = 0,191^*$). При этом во внутренний план переходят и реакции снятия ответственности с кого бы то ни было (M-ED) – они становятся невыражаемыми во внешней речи ($r = 0,264^{**}$). Возрастает число интрапунитивных реакций самозащитного ($r = 0,378^{**}$) и упорствующего типа ($r = 0,250^*$), что означает усиление чувства вины и стремление к самостоятельному исправлению ситуации. Причем такие реакции чаще протекают во внутреннем, а не во внешнем плане.

У детей контрольной группы с повышением эмоциональной устойчивости повышается число обобщающих экстрапунитив-

ных реакций препятственно-доминантного типа с отрицанием своей ответственности («Всегда так бывает», «Это ужасно, но что поделаешь») ($r = 0,206^*$), возрастает число упреков ($r = 0,201^*$) и ироничных реакций ($r = 0,289^*$), коммуникация приобретает косвенный, уклончивый характер ($r = 0,205^*$), становится сложной, сочетающей разные формы реагирования в одном поведенческом паттерне ($r = 0,182^*$). С усилением самоконтроля над поведением у детей контрольной группы расширяется репертуар препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = 0,269^{**}$), снижается общее количество «мазохистических» реакций, когда фрустрирующая ситуация воспринимается ребенком как заслуженное наказание, направленное на исправление его «плохого» поведения ($r = -0,248^*$). При этом возрастает число агрессивных реакций в виде раздражения ($r = 0,223^*$), дразнилок ($r = 0,207^*$), отрицания своей ответственности ($r = 0,219^*$), увеличивается число высказываемых упреков ($r = 0,249^{**}$) и обмана ($r = 0,224^*$). Также нарастает количество реакций, вызываемых чувством вины ($r = 0,272^{**}$), и импунитивных реакций самозащитного типа («Никто не виноват») ($r = 0,246^*$).

У *мальчиков контрольной группы* наиболее критическими оказались два личностных фактора: интеллект и эмоциональная возбудимость. С повышением интеллекта у этих детей возрастает число импунитивных реакций препятственно-доминантного типа, когда редуцируются минусы фрустрирующей ситуации ($r = 0,357^*$). Растет число сердитых претензий ($r = 0,301^*$), дразнилок ($r = 0,297^*$), угроз ($r = 0,280^*$), особенно угроз физической расправы ($r = 0,370^*$), лжи ($r = 0,302^*$), что сочетается с усилением их общего чувства вины ($r = 0,342^*$) и увеличением числа импунитивных реакций самозащитного типа («Никто не виноват», «Всякое бывает») ($r = 0,423^{**}$). С повышением эмоциональной возбудимости у мальчиков контрольной группы возрастает количество сочетанных импунитивных реакций препятственно-доминантного типа («мазохистических») ($r = 0,299^*$), протестов ($r = 0,297^*$) и обвинений ($r = 0,317^*$), уменьшается количество реакций раздражения ($r = -0,302^*$), но снижается и число реакций, направленных на поиск самостоятельного выхода из проблемной ситуации ($r = -0,309^*$).

У девочек контрольной группы наиболее критическими оказались четыре личностных фактора: эмоциональная устойчивость (C), эмоциональная возбудимость (D), самоконтроль над поведением (Q_3) и энергичность (Q_4). С повышением эмоциональной устойчивости увеличивается число упреков ($r = 0,368^{**}$) и общий репертуар косвенных самозащитных реакций экстрапунитивной направленности ($r = 0,267^*$). При этом снижается количество реакций упорствующего типа всех видов направленности ($r = -0,288^*$). С повышением эмоциональной возбудимости нарастает количество повторяющихся реакций препятственно-доминантного типа внешнеобвинительной направленности – подчеркивание препятствия ($r = 0,296^*$), и усиливаются внутренние, не выражаемые вовне, реакции импунитивной направленности препятственно-доминантного типа, когда минусы фрустрирующей ситуации редуцируются ($r = 0,337^*$). Растет количество реакций-оскорблений ($r = 0,385^{**}$), угроз ($r = 0,290^*$), особенно угроз физической расправы ($r = 0,329^*$), иронии ($r = 0,336^*$), а также усиливается ожидание того, что кто-то другой должен исправить проблемную ситуацию ($r = 0,332^*$).

У девочек контрольной группы с усилением черт личностного фактора, отвечающего за самоконтроль над поведением, возрастает количество косвенных вербальных препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = 0,293^*$), а также снижается количество «мазохистических» реакций, когда фрустрирующая ситуация интерпретируется как заслуженное наказание или благо ($r = -0,308^*$). При этом возрастает количество реакций лжи, выполняющих функцию замаскированной самозащиты ($r = 0,349^*$), сопровождаемых усилением чувства вины ($r = 0,290^*$).

С повышенной энергичностью (внутренним напряжением) у девочек контрольной группы связано расширение репертуара препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = 0,262^*$), «зацикливание» на однотипных ОД-реакциях импунитивной направленности – редукция минусов фрустрирующей ситуации ($r = 0,339^*$), уменьшение числа реакций обвинения ($r = -0,358^*$) и увеличение реакций оскорбления ($r = 0,539^{**}$), иронии ($r = 0,288^*$).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Выбор пассивной копинг-стратегии теоретически связан со специфическим набором личностных детерминант, складывающихся в определенной системе отношений личности. К этим детерминантам относятся: его устойчивые паттерны социального взаимодействия во фрустрирующих ситуациях; паттерны взаимодействия с ребенком людей из ближайшего окружения (близких взрослых и друзей); комплекс социально-психологических черт личности, выделенных Р. Кеттеллом; представления ребенка о своей личности и о характере социального взаимодействия с окружающими его близкими; самооценка; состояние здоровья ребенка; уровень его когнитивных способностей оценки социальных ситуаций, который проявляется в содержании атрибутивных процессов общения.

2. Комплекс личностных особенностей, связанных с внешним и внутренним личностным ресурсом совладающего поведения, определяет содержание и другие характеристики страхов детей 9–10 лет и отражает доступность для ребенка внешнего (интериндивидуального) личностного ресурса совладания с фрустрирующими ситуациями.

3. У мальчиков страхи чаще имеют дезадаптивный характер в случае отсутствия в семье отца, у девочек же – в случае отсутствия в семье дедушки. В силу возрастной специфики личности в 9–10 лет наличие в семье сиблинга (брата или сестры) одного с ним пола значимым образом снижает вероятность развития у ребенка дезадаптивных страхов.

4. Дети основной группы более чувствительны к социальным страхам, содержание которых связано с опасениями, что окружающие не примут участия в оказании им помощи во фрустрирующих ситуациях. Они более развернуто, обобщенными категориями описывают свои страхи; у детей же контрольной группы страхи более конкретны.

5. Контекст школьного обучения обостряет восприятие ребенком наиболее уязвимой в этом возрасте стороны личности – систему социальных связей и отношений, составляющей основу внешнего ресурса совладания с трудными жизненными ситуациями. В личностной структуре детей основной группы преобладает «невротическая триада» факторов. Образ «Я» этих детей отличается доминированием отрицательных оценок и характеристикой себя в качестве

слабых и социально некомпетентных личностей. Эти дети не уверены в своих силах, социально некомпетентны, замкнуты, робки, обидчивы, чрезмерно осторожны, поскольку из-за нарушенных социальных связей им больше приходится рассчитывать на свои слабые возможности.

6. У детей основной группы недостаточность внешнего личностного ресурса совладающего поведения сопровождается несформированностью внутреннего ресурса для совладания: они менее развиты в когнитивном плане, у них слабее психофизиологические возможности совладания со стрессом, они чаще имеют нарушения соматического здоровья, что может быть объяснено как «бегство в болезнь». В большей мере эти характеристики свойственны мальчикам, которые в силу культурных ожиданий не могут открыто проявлять свою слабость перед лицом трудных жизненных ситуаций.

7. Сниженная социально-психологическая компетентность личности ребенка, когнитивная простота восприятия ситуаций общения, выраженная ориентация на значимость других людей в оценке своей личности, заниженная самооценка, затруднения в поддержании позитивного образа «Я» и в самовыражении, повышенная эмоциональная возбудимость, детерминированная фрустрацией социальных потребностей, острое восприятие своей инакости (отличительности) и обидчивость определяют сферу проявления страхов и уровень их выраженности. Есть четыре критические сферы, в которых выраженность страхов у детей с описанным личностным комплексом выходит за пределы «нормального» уровня: а) ситуации проверки учебных знаний; б) самовыражение; в) отношения с педагогами; г) несоответствие социальным ожиданиям. Наиболее сильную тревогу дети основной группы переживают в ситуациях оценки их знаний, достижений и возможностей.

8. Наличие у ребенка описанного комплекса личностных факторов лежит в основе его стремления к частому использованию выражения эмоции страха в качестве разновидности пассивной копинг-стратегии во фрустрирующих ситуациях. Эта стратегия органично сочетается с более частыми выборами копинг-стратегий в виде установления социальных контактов (общения) и поиска духовной опоры. Посредством де-

монстрации сильного страха дети основной группы достигают большей интенсивности общения и взаимодействия со значимыми другими (близкие взрослые и друзья), успешно вовлекая последних в процесс разрешения фрустрирующих ситуаций. Предпочтение стратегии деструктивной эмоциональной экспрессии у детей основной группы не связано с их стремлением обманывать окружающих, манипулировать ими.

9. Эффективность воздействия детей на близких взрослых посредством деструктивной эмоциональной экспрессии определяется характером реагирования: чем чаще ребенок выражает деструктивные эмоции, тем скорее взрослые реагируют на это усилением социальных контактов, общением с ним. Таким образом, определенные копинг-стратегии близких людей, проявляемые ими на активное выражение ребенком страха, способствуют закреплению в личностной структуре ребенка паттернов совладания в виде экспрессии интенсивного страха, аддитивных (взаимодополнительных) к дефицитарной системе межличностных отношений в семье и копинг-стратегиям близких взрослых. Выделенный личностный комплекс может рассматриваться в качестве предиктора дезадаптивного характера проявления эмоции страха как копинг-стратегии.

10. Воздействие на критические личностные факторы детей выборки позволят провести точную коррекцию их дезадаптивных характеристик, связанных с деструктивной эмоциональной экспрессией.

Список литературы

- Абрамова Г. С.* Возрастная психология. М.: Академ. проект, 2001. 704 с.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
- Асмолов А. Г.* Психология личности. Принципы общепсихологического анализа: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
- Астанов В. М.* Тревожность у детей. СПб.: Питер, 2004. 224 с.
- Богданова Н. А.* Психологические трудности развития «Я-идентичности» младших школьников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тула, 2000. 22 с.
- Божович Л. И.* Избранные психологические труды. Проблемы формирования лич-

ности / Под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Междунар. пед. академия, 1995. 215 с.

Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. М.: Просвещение, 1997. 224 с.

Гриднева С. В. Личностные детерминанты страхов и стратегий совладающего поведения у детей 9–10 лет: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2007. 28 с.

Данилова Е. Е. Психологический анализ трудных ситуаций и способов овладения ими у детей 9–11 лет: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990. 21 с.

Изард К. Страх и виды тревожности // Тревога и тревожность / Под ред. В. А. Астаповой. СПб.: Питер, 2001. С. 109–123.

Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2002. 752 с.

Исаев Д. Н. Психосоматическая медицина детского возраста. СПб.: Спец. лит., 1996. 454 с.

Кон И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1987. 367 с.

Крэйн У. Теории развития. Секреты формирования личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.

Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения: Монография. Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004. 344 с.

Куфтяк Е. В. Совладающее поведение в семье, регулярно применяющей физические наказания детей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003. 17 с.

Лазарус Р. Совладание (coping) // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред.

Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2003. С. 615–616.

Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Учен. зап. кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова / Под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 56–65.

Мясищев В. Н. Психология отношений // Мясищев В. Н. Избр. психол. тр. М.; Воронеж, 2001. С. 56–123.

Петровский А. В. Личность, деятельность, коллектив. М.: Политиздат, 1982. 255 с.

Петченко В. А. Школьные объективные страхи детей младшего школьного возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 22 с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Наука, 1989. Т. 1. 488 с.

Славина Л. С. Дети с аффективным поведением. М.: Просвещение, 1967. 198 с.

Тащёва А. И., Гриднева С. В. Личностные детерминанты стратегий совладающего поведения // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. С. 344–349.

Фельдштейн Д. И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избр. тр. М.: Флинт, 2004. 672 с.

Материал поступил в редколлегия 12.10.2008

S. V. Gridneva, A. I. Tascheva

PERSONAL DETERMINANTS OF COPING STRATEGIES IN CASES OF FEAR WITH CHILDREN OF 9–10 YEARS OLD

Theoretical grounding and empiric proof possibility of 9–10 years old children being likely to have a set of personal determinants, that for in a certain system of their relations, are given. Separate coping strategies that are displayed by close ones as a reaction on active expression of fear by child, assist anchoring coping patterns in form of expression of intensive fear, additive to deficitary system of interpersonal relationships in family and adult relatives' coping strategies, in child's personality structure. The complex marked out by personality is considered by authors to be a predictor of disadaptive nature of emotion of fear as a coping strategy.

Keywords: child, fear, personal determinants, coping strategies of fear, adaptation / disadaptation.